

Я знал, что Виктор Иванович — одноклассник знаменитого артиста. Бурковы жили сначала в «городе», на Пушкинской улице. Мы со Славкой Звездиным учились с Жорой в одном классе. Слава и Жорка были в нашем классе шутами — один слегка заикался, другой шепелявил, а я им косноязычно подыгрывал. Потом Бурковым дали квартиру на Уральской, в революционной Мотовилихе. Но связь с нами Жора держал и в новой школе, и сейчас не теряет её. Пермь он любил, знал её по-звериному, запоминал город, глядясь, внюхиваясь и вслушиваясь в него: Пруд, Запруд, Заозерье, Заостровка. Вздрогнул на кресте улиц Есенина и Маяковского. Улицы же революционных критиков Белинского и Чернышевского шли рядом, не пересекаясь, и фамилии их вдруг поразили его — один Белый, другой Чёрный. Рядом оказались улицы карателя Хохрякова и социал-демократа Плеханова, он пробовал на звук — Хох-Плех, Хох-Плех...

Нас занесло к Дому офицеров, к памятнику танку Т-34, башню которого местные пацаны однажды сумели вернуть, после чего бежали в разные стороны.

— Дом с колоннами, — задумчиво сказал Жора. — На фронте лепнина: «1943». Значит, строили его в сорок

да — третья столица не нужна — пусть будет гарнизонный дом офицеров с надписью на фронте «1943».

Он наклонился ко мне, прошептал на ухо: «Патрик, мы не могли проиграть войну».

— ДА КТО ТЫ ТАКОЙ, ПЁТР КОРОБЕЦКИХ, ЧТОБЫ НЕ СОГЛАШАТЬСЯ С ПОЛИТИКОЙ ПАРТИИ В КИТАЙСКОМ ВОПРОСЕ?

2

Пётр Евсеич Коробецких не пропустил ни одного матча пермской команды, игравшей в ту пору во второй лиге; никогда не опаздывал на футбол. Невзирая на любую погоду, носил плащ защитного цвета, ковбоекку цвета знойного, мятые китайские штаны, яловые сапоги. Прихватывал непременно два зонта. Над ним посмеивались, но второй его зонтик нам с Виктором Ивановичем многожды пригождался. О, «эти летние дожди, эти радуги и тучи!»

Коробецких внимательно выслушивал наши высокопарные разговоры.

ГЕОЛОГ ДОЛЖЕН СИДЕТЬ НА ОДНОМ МЕСТЕ, ИМЕТЬ КРЕПКИЕ, ОТПОЛИРОВАННЫЕ ДО ЗЕРКАЛЬНОГО БЛЕСКА ШТАНЫ, ЗОЛОТУЮ ГОЛОВУ И ОЧЕНЬ ТВЁРДУЮ ЗАДНИЦУ

втором, когда немцы рвались к Волге. Запасная столица — Куйбышев под угрозой. Помнится, царевич Феодор в «Борисе Годунове» показывал отцу «чертёж земли московской»: «Вот видишь: тут Москва, тут Новгород, тут Астрахань. Вот море, вот пермские дремучие леса». Для Пушкина Пермь — это дремучие леса. «А это что? — Это Волга». Сталинград — это степи. А Пермь — дремучие леса. Так что именно Пермь могла стать резервной, третьего уровня столицей с подземным бункером Ставки. «Велика Россия, а отступать некуда. Позади Пермь!» А после Сталингра-

— Пётр Евсеич, обратите внимание на нашего молодого Костю Парамонова. Это человек-гол типа Гривза и Карцева. Он вписывается в полёт мяча, у него прямо-таки федотовский удар, без киксов. Вслушайтесь в звук его удара — сочный, похожий на шлепок, какой-то смачный, звенящий. А когда нужно — может примять мячик щёчкой... Гривз как-то сказал: «Моя цель, когда я выхожу на поле, выглядит просто — направить мяч в сетку так быстро, как возможно, по самому кратчайшему пути и повторять эту процедуру так часто, как я смогу...»

— Другой умный человек, не помню кто, сказал: «Многие считают, что футбол — вопрос жизни и смерти. Это неправда. Футбол — это гораздо выше».

— Ребятки, я не разбираюсь в ваших тонкостях. Для меня футбол — это радость, чистая радость. Я, как вы знаете, почти всю сознательную жизнь был лишён допуска к секретным и даже служебным материалам, жил в местах не столь отдалённых. В двадцать девятом году выступил на комсомольском собрании: «Я, Пётр Коробецких, не согласен с линией партии в китайском вопросе».

— Да кто ты такой, Пётр Коробецких, чтобы не соглашаться с политикой партии в китайском вопросе?

Когда-то меня только политика интересовала. Сейчас имею четыре увлечения: геология, политика, конечно футбол, философия, в первую очередь гегелевская — «Большая логика» и «Наука логики». Надо делать своё дело как можно лучше. А не карабкаться вверх.

— Зачем вам Гегель?

— Хочу показать проявление диалектики Гегеля в конкретной науке — геотектонике.

Он был предельно прям в работе и высказываниях, за что и страдал много, но никогда даже в мелочах не кривил душой.

— Геолог должен сидеть на одном месте, иметь крепкие, отполированные до зеркального блеска штаны, золотую голову и очень твёрдую задницу — просоленную, отшлифованную, блестящую, дублёную, как романовский полушубок, широкоформатную, как хороший японский телевизор.

На защитах отчётов он, бывало, поднимет очки на лоб, прищурится, и «это есть наш последний!» — не взирая на начальство, в том числе на Вожака — главного геолога Константина Степановича Шершнёва. Почему Петру Евсеичу можно, а больше никому нельзя? Витя сказал: «Ему можно, потому что он так себя поставил». Я думал: вот бы и мне стать таким!

В 1939 году поиски объектов для бурения велись тремя съёмочными партиями в районе села Ножовка на правом берегу Камы. Партии должны были представить единую карту. На западе работал Георгий Николаев,